

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1983.2.04>

Херберт ВАЙНУ

ПРИБАЛТИКА В ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Прибалтийские, в частности эстонские националисты в эмиграции немало пишут о месте Прибалтики в германо-финляндских отношениях во время второй мировой войны: В этих книгах и статьях искаженно излагаются факты и делаются неправильные выводы, что используется нашими идеологическими противниками для антисоветской пропаганды. В советской исторической литературе дан достойный отпор этим выводам. Однако, разоблачая буржуазных националистов, показывая, что эти люди, рекламирующие себя «борцами за свободную независимую Эстонию», на самом деле были платными агентами Германии, Финляндии или других капиталистических государств, авторы этих трудов концентрируют основное внимание на одной стороне дела.¹ Этой направленности соответствует и историографическая база. Воссоздать же исторический фон, на котором происходили события, можно лишь путем многопланового анализа. Место Прибалтики в германо-финляндских отношениях во время второй мировой войны — это побочная, но не лишняя интереса и поучительности страница истории — истории становления и распада этого фашистского блока. Данная статья, насколько автору известно, — первая попытка такого комплексного анализа.

Повышенный интерес Германии и Финляндии к Прибалтике обуславливался прежде всего ее географическим положением. Самые удобные коммуникации между этими двумя участницами фашистского блока проходили именно через Прибалтику. В гитлеровских планах быстрой оккупации Прибалтики эти соображения играли немалую роль. Уже на стадии планирования операции «Барбаросса» (например в т. н. этюде Лоссберга от 15 сентября 1940 г.) захват Прибалтики и обеспечение взаимодействия с Финляндией и с немецкими войсками на ее территории связывались в единое целое.² Год с лишним спустя, после того как в руки гитлеровцев попал таллинский порт, немецкая газета писала, что он «особенно ценен потому, что отсюда до столицы Финляндии ... только 90 км и, таким образом, нет преград на пути к установлению (не через Швецию, как раньше) непосредственной связи с союзницей-Финляндией»³.

К Прибалтике был особый интерес и у Финляндии. С южного берега Финского залива советская авиация могла кратчайшим путем и неожиданно наносить удары по жизненно важным центрам Финляндии, рас-

¹ Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1972; Мартинсон Э. Слуги свастики. Таллин, 1962; Мартинсон Э. Пока дышать я умею.... Таллин, 1968; Barkov, L. Mõrvarid ei pääse karistusest. Tallinn, 1966; Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas. XV. Tallinn, 1972; Martinson, E. Elukutse — reetmine. Tallinn, 1970.

² Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 205; Fall Barbarossa. Berlin, 1970, Dok. 32.

³ Deutsche Zeitung im Ostland, 1941, 30 авг.

положенным на северном берегу. Помимо военных, не менее важны были и политические соображения. По тому, как гитлеровцы вели себя в соседних оккупированных странах, финны — и правящие круги, и особенно народные массы — судили о моральных качествах «великой союзницы», а главное о том, что их самих ожидает в случае ее победы.

Восстановление Советской власти в Прибалтике летом 1940 г. по времени совпало с началом разработки плана «Барбаросса» в гитлеровских штабах. Оно во многом спутало планы нацистов, которые считали природные ресурсы Литвы, Латвии и Эстонии — внешнеэкономическая политика буржуазных правителей этих стран дала им основание так думать — чуть ли не частью своей военной экономики. 30 мая и 1 июня 1940 г., во время успешных военных операций в Западной Европе, два высокопоставленных чиновника МИД Германии в своих меморандумах, написанных независимо друг от друга, включили Эстонию, Латвию и Литву вместе с Финляндией и некоторыми другими странами в германский «гроссвиртшафтсраум».⁴ Когда в результате восстановления Советской власти прибалтийские страны выпали из этого перечня, фашистская Германия решила возместить эту потерю, усилив проникновение в Финляндию. Речь шла не столько о заказах в Финляндии тех товаров, которые Германия раньше закупала в Прибалтике, — соответствующий меморандум был составлен в Берлине уже 18 августа 1940 г.⁵, сколько об интенсификации антикоммунистической обработки лидеров Финляндии, о запугивании «советизацией».⁶ Эта тактика возымела успех. Но не столько страх, сколько желание реванша и закабаления советских земель, уничтожения советского строя толкало профашистские слои Финляндии в объятия Гитлера. В Хельсинки, как, кстати, и в столицах прибалтийских буржуазных республик, уже в начале июня 1940 г. с большим интересом воспринимались намеки немецких должностных лиц на то, что после разгрома Франции вермахт нападет на СССР.⁷

Германо-финляндское сотрудничество по подготовке восточного похода было налажено прежде всего по линии разведки. После восстановления Советской власти в Прибалтике немецкая и финляндская разведки по сути дела стали действовать заодно. В Хельсинки этим занимались как германский разведцентр — «Бюро Целлариуса», так и специальная финская разведгруппа, которая раньше размещалась в Выборге и действовала в Ленинградском направлении.⁸ Промежуточное звено между ними составляли те офицеры буржуазной Эстонии, агенты абвера, которые летом и ранней осенью 1940 г. сбежали в Финляндию (Саарсен, Куврел и др.).⁹

В дальнейшем разведанные о Советской Прибалтике поступали различными путями. Этим занималась, во-первых, авиаразведка, причем в районе Финского залива не столько немецкая, сколько финская.¹⁰

⁴ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 1, с. 52; Anatomie der Aggression. Berlin, 1971, Dok. 3—5, 45, 50.

⁵ Krosby, H.-P. Suomen valinta 1941. Helsinki, 1967, с. 261.

⁶ Правители Финляндии всячески препятствовали распространению в стране правдивой информации о происходивших в Прибалтике событиях. Левые газеты «Кансан Саномат» и «Вапая Сана» были закрыты в связи с тем, что там публиковались подобные материалы. Назовем, к примеру, статью министра иностранных дел народного правительства Эстонии Андерсена и т. д.: Karttunen, S. Ystävyys vastatuulessa. Helsinki, 1966, с. 61, 65; Hiitonen, E. Vääräyttä oikeuden valekaavussa. Huvinkää, 1953, с. 458.

⁷ Сиполс В. Я. Внешняя политика правящих кругов буржуазной Латвии — политика измены народу (1933—1940). — История СССР, 1963, № 1, с. 61.

⁸ Барков Л. В дебрях абвера, с. 62; Mäkelä, L. Im Rücken des Feindes. Frauenfeld; Stuttgart, 1967, с. 59, 74.

⁹ Барков Л. В дебрях абвера, с. 62

¹⁰ Кузнецов Н. Военно-морской флот накануне Великой Отечественной войны. — Военно-исторический журнал, 1965, № 9, с. 67—69; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Рига, 1966, с. 34.

Во-вторых, источниками информации были сбежавшие зимой 1940—1941 гг. на северный берег Финского залива эстонские националисты. В-третьих, — переселившиеся в это же время в Германию по советско-германскому соглашению от 11 января 1941 г. прибалтийские немцы и местные фашиствующие элементы, которым удалось получить германский паспорт. Эти люди всячески содействовали распространению слухов о скором нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. 18 марта 1941 г. посланник США в Финляндии Шенфельд, например, сообщил в Вашингтон, что сбежавшие из Эстонии люди имели контакт с сотрудниками американского посольства. По их мнению, вывоз в Германию большого числа квалифицированных специалистов из Эстонии свидетельствует о негаснущем интересе гитлеровской верхушки к стратегическим возможностям прибалтийских стран и характеризует тщательность подготовки к возможным событиям в будущем.¹¹

С приближением войны из Германии в Хельсинки были переброшены новые агенты с целью подготовки политической и военной оккупации Прибалтики. Уже в конце мая 1941 г. здесь был учрежден по инициативе будущего эстонского «фюрера» Мяэ и с ним же во главе т. н. Эстонский комитет освобождения¹² — зародыш будущего «самоуправления», в отношении которого эпитет «марионеточное» звучит слишком мягко. Накануне войны в Финляндию был переброшен также бывший военный атташе буржуазной Эстонии в Париже Кург, который после поражения Франции прошел курс парашютистов в Германии. Он должен был возглавить перебежчиков из Советской Эстонии, подготовленных в Финляндии финской и немецкой разведками к переброске через залив после начала военных действий.¹³

В конце апреля и в начале мая 1941 г. шведский военный атташе в Хельсинки фон Стедингк сообщил в Стокгольм о своей беседе с коллегой из Германии Рёссингом. По словам Рёссинга, ОКВ учитывал намерение финских лидеров начать наступление лишь после того, как немецкие войска овладеют Прибалтикой, в том числе Эстонией.¹⁴ Получилось не так. Но наступление немецких и финских войск из Финляндии началось на самом деле не 22 июня, а несколько позднее. Опоздало и официальное вступление Финляндии в войну. Оно последовало 25 июня. Боязнь финского руководства контратак через Финский залив сыграла здесь определенную роль.

Втягивание Финляндии в войну в качестве союзницы фашистской Германии весьма осложняло защиту Прибалтики. Командование Красной Армии не могло не считаться с возможностью десанта через Финский залив.¹⁵ В июле, как было запланировано, из Финляндии в Эстонию несколькими группами, частично на финских катерах, было переброшено 80 диверсантов — эстонских националистов, ядро которых прошло спецподготовку на разведкурсах у германских и финских офицеров.¹⁶ Эта т. н. операция «Эрна», как писал впоследствии один немецкий разведчик, была первой и, по-видимому, единственной, когда немцы

¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1941. Washington, 1959, v. 1, с. 610; *Siras, J.* Viro Neuvostokuristuksessa. Porvoo; Helsinki, 1943, с. 189.

¹² *Myllyniemi, S.* Die Neuordnung der baltischen Länder. Helsinki, 1973, с. 107.

¹³ *Mamers, O.* Häda võidetuule. Stockholm, 1958, с. 142, 197—201.

¹⁴ *Björkman, L.* Sverige inför operation Barbarossa. Stockholm, 1971, с. 200, 215; *Erfurth, W.* Der finnische Krieg 1941—1944. Wiesbaden, 1950, с. 40.

¹⁵ *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971, с. 11, 27, 200; *Трибуц В. Ф.* Краснознаменный Балтийский флот летом 1941 г. — Вопросы истории, 1969, № 3, с. 124.

¹⁶ Центральный государственный Архив Октябрьской революции ЭССР (=ЦГАОР ЭССР), ф. R-121, оп. 1, д. 11, л. 47; *Барков Л.* В дебрях абвера, с. 73—74; *Melzer, W.* Kampf um die baltischen Inseln. 1917—1941—1944. Neckargemünd, 1960, с. 57; *Suomen laivasto II.* Helsinki, 1968, с. 20.

использовали разведывательную группу в таком объеме.¹⁷ Разведанные о Советской Эстонии, добываемые этой группой для германского вермахта, были скудными. Основное ее ядро было уничтожено в начале августа у д. Альбу эстонским истребительным батальоном, и лишь ее остатки участвовали в десанте немцев на о-ва Муху и Сааремаа. Еще раньше, в июле, несколько шпионов из группы «Эрна» были переброшены самолетом из Финляндии на о. Сааремаа.¹⁸ Сотрудничество Финляндии с гитлеровским блоком осложняло действия КБФ в Финском заливе. Система постов в финских шхерах полностью контролировала передвижение советских кораблей по всему заливу. Противник же действовал с баз, скрытых от наблюдения с моря многочисленными островами.¹⁹

Немецкие корабли, прибывшие накануне войны в финские шхеры, и финские подводные лодки начали военные действия с минирования открытого моря уже вечером 21 июня 1941 г.²⁰ Примерно половина мин в морской фарватер из Таллина в Ленинград была поставлена с финских судов.²¹ Утверждалось даже, что при эвакуации Таллина многие советские корабли подорвались именно на финских минах.²²

Налаживанию германо-финляндского взаимодействия в начале войны способствовала вера политического и особенно военного руководства Финляндии в быструю победу Германии над СССР. В конце июля — начале августа вкрались первые сомнения. Во многом они были обусловлены задержкой немецкого наступления в Советской Эстонии в середине июля 1941 г. Эта задержка была для финской военщины не только неприятной (опасность воздушных атак через Финский залив сохранялась), но и неожиданной. Уже 17 июля финские ВМС получили приказ готовиться к отплытию по маршруту Хельсинки—Таллин, так как падение Таллина ожидалось со дня на день. Но этот прогноз не оправдался.²³ В середине августа лондонская «Таймс» писала, что замедление темпов наступления немецких войск вызвало депрессию в Финляндии.²⁴

После бомбардировки Берлина советской авиацией с Сааремааских баз немецкое военное руководство стало особенно торопиться с операцией по захвату Моонзундских островов. Были привлечены и финские

¹⁷ *Leverkuehn, P.* Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Krieg. Frankfurt a. M., 1957, с. 141.

¹⁸ ЦГАОР ЭССР, ф. R-121, оп. 1, д. 11, л. 26—29, 48—49, 53; Eesti rahvas Suures Isamaasõjas. I. Tallinn, 1971, с. 383; Eesti rahvas Nõukogude Liidu Suures Isamaasõjas. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1975, dok. 79, 80; *Melzer, W.* Kampf um die baltischen Inseln, с. 57—58; Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas. IV. Stockholm, 1957, с. 139—140.

¹⁹ Боевой путь Советского Военно-Морского флота. М., 1967, с. 288—289.

²⁰ *Meister, J.* Der Seekrieg in osteuropäischen Gewässern 1941—1945. München, 1958, с. 13; *Rohwehr, J.* Der Minenkrieg im Finnischen Meerbusen. I. Juni—August 1941. — *Marine-Rundschau*, 1967, Heft 1, с. 17—18; *Seppälä, H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo; Helsinki, 1968, с. 142; Suomen laivasto II, с. 16—17. Финские надводные военные корабли начали свои действия вне территориальных вод после официального вступления Финляндии в войну 25 июня.

²¹ *Meister, J.* Der Seekrieg in osteuropäischen Gewässern 1941—1945, с. 53; *Rohwehr, J.* Der Minenkrieg im Finnischen Meerbusen, с. 21—24; Suomen laivasto II, с. 22—24.

²² *Halsti, W.* Suomen sota II. Kesäsota. Helsinki, 1956, с. 596.

²³ Эвакуация из Таллина проходила под жесткой бомбежкой немецких самолетов. Финны в ночь на 29 августа были заняты переброской своих основных ВМС из Або-Аландских шхер на восток, что не удалось сделать 24 и 27 августа: мешали мины в устье Финского залива и советская военно-морская база на п-ве Ханко. Финские корабли, находившиеся восточнее п-ва Ханко, были отправлены на помощь своим перебазирующимся основным силам. (Suomen laivasto II, с. 20—48.) Финское радио на эстонском языке передавало неточные прогнозы скрывающимся в лесах националистическим бандам. После войны члены этих банд, бежавшие на Запад, жаловались, что финское радио дезориентировало их, провоцируя на преждевременные вылазки, что влекло за собой большие потери. (Eesti riik ja rahvas, IV, с. 110; X, с. 15—16.)

²⁴ The Times, 1941, 14 авг.

ВМС. Полсотни финских катеров под командованием подполковника Виркки были включены в десант на о. Муху в ночь на 13 сентября.²⁵ В эту же ночь с юга, запада и севера подошли к Моонзундским островам вражеские корабли, чтобы отвлечь внимание от основного места высадки десанта. В северную группу, направленную к о. Хийумаа, было включено также несколько финских кораблей. Но и эта операция («Нордвинд» — 'Северный ветер') провалилась. Недалеко от мыса Ристна флагман «Ильмаринен» подорвался на mine и затонул. 271 финский моряк погиб, 133 были спасены. После этого отряд кораблей повернул назад.²⁶ Гибель флагмана «Ильмаринен» была большой потерей для финского флота. Швейцарский историк Майстер характеризует «Нордвинд» как одну из наиболее бесполозных и дорогостоящих операций германского флота, настроивших финнов против слишком сложных комбинаций.²⁷

Главное командование сухопутных войск Германии (ОКХ) после захвата Прибалтики решило ускорить установление прямой связи с Финляндией.²⁸ Но дело затянулось, так как море и таллинский порт были сильно заминированы, а на п-ве Ханко и о. Осмусаар находились советские военно-морские базы. Главнокомандующий ВМС Германии Редер не раз докладывал об этом Гитлеру.²⁹ Наконец, 15 октября началось движение по маршруту Таллин—Хельсинки под сильным военным эскортом.³⁰ Гражданская авиалиния Берлин—Кенигсберг—Рига—Таллин—Хельсинки открылась в ноябре.³¹

Немцы допускали в оккупированную ими Прибалтику не всех финнов, а главным образом сотрудников финской разведки и политической полиции (охранки). Между ними установились тесные связи. Немецкий разведцентр в Финляндии «Бюро Целларнуса» создал свое «небенштелле» в Таллине. По всей Прибалтике, а в Эстонии особенно, органы гестапо и СД, где подвизались и палачи из местных, рука об руку сотрудничали с государственной полицией Финляндии. Эстонские буржуазные националисты были привлечены к агентурной разведке против СССР с территории Северной Финляндии. Финские полицейские, в том числе и начальник государственной полиции Антони, несколько раз посещали Эстонию и знакомились с кровавыми деяниями гестапо и СД.³² В свою очередь, шеф гестапо в Эстонии Зандбергер за 1941—1943 гг. не менее пяти раз бывал в Хельсинки и даже получил финский орден. Финская охранка передала в руки гитлеровцев 76 человек разных национальностей — эстонцев, русских, евреев, поляков, французов, голландцев, англичан, которые через Таллин и Штеттин были высланы в концентрационные лагеря, действовавшие в том числе и в Эстонии.³³ С осени 1942 г. финские власти стали ограничивать подобное сотрудничество. Но для остального населения Финляндии оккупированная германскими войсками Прибалтика была в основном закрыта. Не была восстановлена гражданская телефонная связь. Почтовая связь просуществовала лишь

²⁵ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 531, л. 22; ЦГАОР ЭССР, ф. R-121, оп. 1, д. 11, л. 26—27, 48—49; Suomen laivasto II, с. 53; Haupt, W. Baltikum 1941. Neckargemünd, 1963, с. 131.

²⁶ Крицицын Ф. Оборона Моонзундских островов. — Военно-исторический журнал, 1966, № 9, с. 121.

²⁷ Meister, J. Der Seekrieg in osteuropäischen Gewässern 1941—1945, с. 30.

²⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971, т. 3, кн. 1, с. 330.

²⁹ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939—1945. London, 1948, с. 234, 236.

³⁰ Heikkinen, H. Vaarallisilla vesillä. Suomen kauppalaivaston vaiheita toisen maailmasotan aikana. Porvoo; Helsinki, 1960, с. 361.

³¹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 531, л. 173—174.

³² Барков Л. В дебрях абвера, с. 7—78, 111—112; Мартинсон Э. Слуги свастики, с. 253—254; Мартинсон Э. Пока дышать я умею, с. 64—65; Kubu, M. Gustav Möllers hemliga polis. Stockholm, 1972, с. 118; Mäkelä, L. Im Rücken des Feindes, с. 124—125.

³³ Kubu, M. Gustav Möllers hemliga polis, с. 118—120, 208—211.

две недели.³⁴ Такое поведение фашистской Германии раздражало финнов. Те из них, которые наивно надеялись (были и такие), что немцы восстановят в Эстонии буржуазную республику, вскоре разочаровались. Весть о создании осенью 1941 г. в Прибалтике немецкой гражданской власти была встречена ропотом в прессе и финских политических кругах, особенно в либеральных.

Уже в конце 1941 г. в Финляндии стали в какой-то мере известны (в частности, и через германскую прессу, например, газету «Норден») гитлеровские планы о переселении немцев в Прибалтику, а эстонцев — восточнее Чудского озера.³⁵ Это вызвало у финнов тревогу, поскольку по событиям, происходившим южнее Финского залива, можно было предугадать судьбу самой Финляндии в фашизированной Европе. 28 ноября 1941 г. к президенту Рюти с секретным письмом по вопросу, касающемуся этих событий, обратились ученые и деятели культуры, бывшие ранее в хороших отношениях с Эстонией, — Цедерберг, Таллгрэн, Вилкуна и др.³⁶ Часть эстонской буржуазии ходатайствовала о присоединении Эстонии к Финляндии. Белоэстонский адмирал Питка, якобы получивший на это согласие Геринга, передал соответствующий меморандум Рюти 29 ноября 1941 г.³⁷ — на день позже финских ученых и, по-видимому, скоординировавшись с ними. При этом говорили, что таково якобы желание последнего президента буржуазной Эстонии Пятса, который хотел во главе унии поставить короля.³⁸

Этот план обсуждался в финских правящих кругах, имел сторонников в начале войны и позднее. Один из ярых приверженцев Гитлера Ряйкёнен в начале 1942 г. обратился с соответствующим письмом к Розенбергу. Хотя он обещал, что Эстония в случае ее присоединения к Финляндии станет одной из самых дружественно настроенных к Германии стран в Европе, ответа не последовало.³⁹ В конце 1941 — начале 1942 г. правительство Финляндии стало отдавать себе отчет в том, что Германия включила «Остланд» в свой «гроссраум». Отрицательное отношение правительства Финляндии к этому плану было доведено вскоре через посланника Германии Блюхера до сведения гитлеровского руководства.⁴⁰ Финское правительство предпочитало за счет полученного от Германии награбленного в Прибалтике добра смягчить свои острые экономические трудности. Когда глубокой осенью 1941 г. в Финляндии сложилось катастрофическое положение на железнодорожном транспорте, германские власти направили туда из Эстонии большое количество вагонов и паровозов.⁴¹

Прибалтийский вопрос приобрел наибольшую остроту в германо-финляндских отношениях после начала коренного перелома в войне —

³⁴ Heimokansa, 1943, n:o 8, с. 52; *Haavio, M.* Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941—1942. Porvoo; Helsinki, 1969, с. 231; *Vilkuna, K.* Sanan valvonta. Helsinki, 1962, с. 133.

³⁵ *Warmä, A.* Diplomaadi kroonika. Lund, 1971, с. 166—170, 172; *Myllyniemi, S.* Die Neuordnung der baltischen Länder, с. 89; *Haavio, M.* Me marssimme Aunuksen teitä, с. 237.

³⁶ *Viikuna, K.* Sanan valvonta, с. 133; *Viitala, H. M.* Rauhanoppositio. Tutkimus poliittisesta oppositiosta Suomessa vuosina 1940—1944. Helsinki, 1969, с. 85.

³⁷ *Myllyniemi, S.* Die Neuordnung der baltischen Länder, с. 136; *Manninen, O.* Suuri-Suomen ääriiviivat. Helsinki, 1980, с. 152.

³⁸ *Warmä, A.* Diplomaadi kroonika, с. 174—176.

³⁹ *Myllyniemi, S.* Die Neuordnung der baltischen Länder, с. 136; *Blücher, W. v.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Wiesbaden, 1952, с. 272, 321; *Casparson, R.* Brinnande horisont. Stockholm, 1963, с. 69.

⁴⁰ *Blücher, W. v.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie, с. 272, 280; *Polvinen, T.* Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944. Porvoo; Helsinki, 1964, с. 190, 309; *Manninen, O.* Suuri-Suomen ääriiviivat, с. 289.

⁴¹ *Karpinen, P.* Suomalaisten saksalaisille joukoille suorittamat kuljetukset Suomen sodassa. 1941—1945. — Tiede ja Ase, n:o 24, 1966, с. 225—238; *Länsman, S.* Kuljetukset ja kuljetusten johtaminen Suomen sodassa vv. 1941—1944. Mikkelä, 1969, с. 98—99.

т. е. после Сталинградской битвы. Чтобы восполнить потери в живой силе, фашисты приступили к мобилизации молодежи оккупированной Прибалтики в эсэсовские войска. Во избежание этого эстонская молодежь, а вместе с ней и люди постарше бежали через залив в Финляндию в массовом порядке — к концу 1943 г. примерно 4000 человек. В начале 1944 г. побегι продолжались.⁴² Немецкие власти в оккупированной Эстонии забили тревогу, перебежку объявили незаконной, а беженцев — подлежащими наказанию.⁴³ Хотя Финляндия встречала беженцев отнюдь не розами (они оказались в довольно суровых условиях, да и сам побег был связан с риском), к осени, когда ночи стали темнее, перебежки участились. Нежелание эстонских парней воевать за Гитлера поставило финские власти в затруднительное положение. Ожидалось, что немцы официально потребуют выдачи беженцев, что и последовало — впервые 22 сентября и затем еще несколько раз.⁴⁴ По ряду причин — как внутри-, так и внешнеполитическим — удовлетворить это требование хельсинкским правителям было неудобно, обострять же отношения с Германией они явно не хотели.

Беженцев направляли главным образом в Финскую армию, которая в то время вынуждена была перейти к обороне. Финские руководители считали это самым разумным решением столь деликатного вопроса. С одной стороны, можно было отклонить требования немецких властей о выдаче беженцев, ссылаясь на то, что они стали солдатами армии, находящейся в состоянии войны с СССР, а с другой — это исключало их переход в нейтральную Швецию, что привело бы фашистов в еще большее раздражение.⁴⁵ С оглядкой на Запад финское правительство в конце 1943 г. запретило своей охранке передавать гестапо данные об эстонских беженцах.⁴⁶ Такая тактика еще более подхлестнула германские власти и, особенно, гестапо в Эстонии создать свою агентуру среди беженцев и организаторов побега. Осуществить эти намерения оказалось делом несложным. Платным агентом гестапо стал даже бывший эстонский посланник в Хельсинки Варма, слывший англофилом, не говоря уже о менее значительных лицах.⁴⁷ Работники гестапо и возглавлявшие беженцев люди принадлежали к одному классу — буржуазии. Да и большинство беженцев имели буржуазное или мелкобуржуазное происхождение. Многие из них были студентами. В мировоззрении этих молодых людей самым причудливым образом сочетались антикоммунизм и антисоветизм с антифашизмом и антигерманизмом под общим знаменем ультранационализма. Такая путаница в головах молодых людей была на руку эмигрантской верхушке. «Некоторые утверждали, что они хотят изо всех сил воевать, но не вместе с немцами, которых они ненавидят не меньше русских,» — писал Р. Каугвер в романе «Сорок свечей».⁴⁸ Эти слова наглядно отражают сложившуюся в то время обстановку.

⁴² *Vilkuna, K. Saan valvonta*, с. 134; *Warma, A. Diplomaadi kroonika*, с. 195. По данным СД, уже до 1943 г. водную границу из Эстонии в Финляндию нелегально перешли 450 человек (*Барков Л. В дебрях абвера*, с. 106).

⁴³ ЦГАОР, ф. R-819, оп. 1, д. 5, л. 13, 32, 53—54; ф. R-65, оп. 1, д. 29, л. 54—58; *Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas*, XV, с. 85.

⁴⁴ *Polvinen, T. Suomi suurvaltojen politiikassa 1941—1944*, с. 193, 309; *Warma, A. Diplomaadi kroonika*, с. 229; *Vilkuna, K. Saan valvonta*, с. 135; *Myllyniemi, S. Die Neuordnung der baltischen Länder*, с. 267.

⁴⁵ *Viitala, H. M. Rauhanoppositio*, с. 160; *Eesti riik ja rahvas*, X, с. 12.

⁴⁶ *Linkomies, E. Vaikea aika. Suomen pääministerina sotavuosina 1943—1944*. Helsinki, 1970, с. 383—384. То, что такая практика раньше существовала, видно и из германских документов, например, из письма генерального комиссара в Эстонии Лицманна к Розенбергу от 5 мая 1943 г., где приводятся данные финской полиции о беженцах. Лицманн считал нужным требовать от правительства Финляндии прекращения приема беженцев-эстонцев (ЦГАОР, ф. R-65, оп. 1, д. 29, л. 54—58).

⁴⁷ *Eesti riik ja rahvas*, XV, с. 85—88, 118.

⁴⁸ *Kaugver, R. Nelikümmend küünalt*. Tallinn, 1966, с. 102.

На таком фоне будущее представлялось беспросветным, а незавидное материальное положение на чужбине еще более обостряло чувство душевной неуравновешенности.

Обстановка весьма благоприятствовала деятельности разведок империалистических стран, включая немецкую. Ожили и всякого рода политические авантюристы, расценивавшие сформированный из беженцев финский полк № 200 как силу, способную взять власть в Прибалтике в свои руки.⁴⁹ Эти расчеты основывались на аналогии с ситуацией, сложившейся в конце первой мировой войны, когда прибалтийским буржуазным странам с помощью Антанты в условиях военной слабости молодой Советской России, а также Германии удалось захватить в свои руки государственную власть. 5 сентября 1944 г. т. н. Национальный комитет Эстонской республики оценил положение следующим образом: «Финал войны может повлечь за собой большие сюрпризы. Боремся против крайне усталых русских. Если немцы выйдут из Эстонии, мы должны принять фронт».⁵⁰ Поэтому полк № 200 был почти полностью переброшен через Финский залив и большей частью отправлен на Тартуский фронт, где был разгромлен наступающими в Эстонии советскими войсками.⁵¹

С 1943 г. за Финляндию ухватилась часть не только эстонской, но и латвийской и литовской буржуазии. Утверждалось, что Финляндия якобы могла выступить за интересы буржуазии Прибалтики, когда третий рейх рухнет. Литовец Шейнинис даже пытался выторговать там оружие.⁵² Почти одновременно с первыми перебежчиками из Эстонии (в основном юношами) в Финляндию начали прибывать (уже по германо-финляндскому соглашению) ингерманландцы — прибалтийские финны из Ленинградской области. Это претворялся в жизнь старый план правителей Финляндии, в основном одобренный гитлеровской верхушкой, — создать Великую Финляндию путем включения в ее состав Советской Карелии и Кольского полуострова, переселив туда финно-угорские народы и народности с территорий Советского Союза, оккупированных фашистской Германией. Заключение соглашения с Германией о перемене места жительства ингерманландцев (до родины других финно-угорских народностей, проживающих в СССР, немецкие войска не дошли) затянулось до конца 1942 г. Переезд ингерманландцев, высленных германскими властями предварительно в Эстонию (а раньше частично — на принудительные работы в Германию), начался в марте 1943 г. По двум соглашениям до июня 1944 г. из Палдиски на п-в Ханко были переправлены на кораблях примерно 63 тыс. ингерманландцев (а также 150 финнов, бывших граждан буржуазной Эстонии). Поскольку в это время коренной перелом в войне уже произошел и правители Финляндии утратили иллюзии относительно успешного исхода агрессии против СССР, ингерманландцев расселили не в оккупированной Финляндией Советской Карелии, а в самой Финляндии, где ощущался острый дефицит рабочей силы.⁵³

Власти Финляндии пытались погасить недовольство в Прибалтике. Они опасались (беженцы из Эстонии, по их мнению, прекрасно под-

⁴⁹ *Warma, A. Diplomaadi kroonika*, с. 198, 206.

⁵⁰ *Eesti rahvas Suures Isamaasõjas*. II, Tallinn, 1977, с. 161; *Martinson, E. Elukutse — reetmine*, с. 124—125; *Warma, A. Diplomaadi kroonika*, с. 272.

⁵¹ *Warma, A. Diplomaadi kroonika*, с. 252—265; *Eesti riik ja rahvas*, X, Stockholm, с. 31—36; *Erjfurth, W. Der finnische Krieg 1941—1944*, с. 165. Перед возвращением беженцев в Эстонию немецкие власти амнистировали их. Сами беженцы дали клятву Гитлеру.

⁵² *Myllyniemi, S. Die Neuordnung der baltischen Länder*, с. 268.

⁵³ *Inkerin suomalaisten historia*. Jyväskylä, 1969, с. 378—401. После выхода Финляндии из войны большинство ингерманландцев, около 55 тысяч, вернулись в Советский Союз.

тверждали это), что продолжение прежней политики Германии в оккупированных странах будет препятствовать их совместной борьбе против СССР, а эта борьба уже приняла опасный для агрессоров оборот. Через финского генерала Эстермана уже в феврале 1943 г. Маннергейм дал знать военному атташе Германии в Хельсинки Кичманну, что, по его мнению, раньше настроения в Прибалтике были настолько прогерманскими, что легко было бы собрать десять дивизий против СССР, но затем, из-за проводимой немцами политики, положение изменилось.⁵⁴ Президент Рюти говорил германскому дипломату Вайссауэру, что политика фашистов в Прибалтике и в других оккупированных странах нанесла большой урон Германии и общей борьбе против коммунизма.⁵⁵ Такие намеки высказывались и в низших сферах, но безрезультатно. Риббентроп велел дипломатам Германии передать финнам, чтобы они не вмешивались в чужие дела: «Эстонцы могут быть только благодарны, что их освободили от большевиков»⁵⁶. Все оставалось по-прежнему, хотя в фашистской Германии раздавались голоса некоторых официальных лиц более низкого ранга, что жесткий оккупационный режим мешает поискам нового пушечного мяса в Прибалтике и ведет к ухудшению германо-финляндских отношений.⁵⁷

После начала коренного перелома в войне руководителей Финляндии стала волновать не столько политическая ситуация, сколько положение военных дел по другую сторону Финского залива. Они отдавали себе отчет в том, что продолжать войну, когда Эстония выйдет из-под контроля Германии, станет невозможно. Уже 17 февраля 1943 г. Рюти говорил на эту тему с германским посланником Блюхером, заостря внимание на той опасности, которая ожидает Финляндию в случае вывода немецких войск из-под Ленинграда или даже из Эстонии.⁵⁸ В сентябре, когда ситуация на восточном фронте еще более осложнилась, Рюти и министр иностранных дел Финляндии Рамзей опять высказали немцам свою озабоченность относительно военного положения южнее Финского залива.⁵⁹ Правда, в проводимых в это время очень секретных американо-финляндских переговорах относительно поведения Финляндии на случай высадки большого американского десанта в Норвегию, хельсинкские правители обещали выставить силы против немецких соединений, если они ринутся на американцев из Северной Финляндии или из Эстонии.⁶⁰ США потеряли интерес к норвежской операции, и тогдашние руководители Финляндии, проводя антисоветскую политику, вновь стали возлагать надежды на Германию. Но та была уже совсем бесперспективной союзницей.

В начале 1944 г. мощное наступление Красной Армии продолжалось. Была окончательно прорвана блокада Ленинграда, и немецкие войска отброшены к Нарве. Финское руководство вновь встревожилось. «Если Нарва не останется в немецких руках, для Финляндии возникнет новая ситуация», — говорил Рамзей Блюхеру, намекая по-видимому, на заключение мира с Советским Союзом.⁶¹ 14 февраля советские войска

⁵⁴ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (= ADAP), Ser. E, Bd. V, Dok. 149.

⁵⁵ Skytta, K. Ei muuta kunniaa. Risto Rytiin kujanjuoksu 1939—1944. Helsinki, 1971, с. 185.

⁵⁶ ADAP, Ser. E, Bd. V, Dok. 248.

⁵⁷ Anatomie der Aggression, Dok. 43, с. 200; Blücher, W. v. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie, с. 272, 322—323; Myllyniemi, S. Die Neuordnung der baltischen Länder, с. 214—218.

⁵⁸ Blücher, W. v. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie, с. 324.

⁵⁹ Operationsgebiet östliche Ostsee und der finnisch-baltische Raum, 1944. Stuttgart, 1961, с. 17; Ziemke, E. The German Northern Theatre of Operation 1940—1945. Washington, 1960, с. 248—249.

⁶⁰ Skytta, K. Ei muuta kunniaa, с. 193.

⁶¹ Erjuth, W. Der finnische Krieg 1941—1944, с. 164; Blücher, W. v. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie, с. 348—355.

форсировали р. Нарву, и в тот день Паасикиви по поручению правительства Финляндии прибыл в Стокгольм, чтобы ознакомиться у советского посла с условиями мира. Немецкий офицер связи при штабе Маннергейма генерал Эрфурт полагал, что между этими событиями существовала каузальная связь.⁶² Вряд ли он в этом ошибался. Но наступление Красной Армии на Нарвском направлении было временно приостановлено, и финское руководство успокоилось. Советские условия мира были отвергнуты, хотя премьер-министр Линкомиэс открыто признавал в парламенте, что на лучшие условия вряд ли можно рассчитывать.⁶³

Принимая такое решение, которое стоило Финляндии еще почти полугодия войны и гибели нескольких тысяч солдат; финское руководство учитывало тот же прибалтийский фактор. С одной стороны, оно опасалось, что в случае заключения мира с СССР последуют удары Германии по жизненно важным центрам Финляндии из Эстонии, а с другой — и это имело большее значение — оно полагало, находясь под впечатлением сообщений о якобы невероятно больших потерях советских войск на нарвском фронте, что они на северном участке неспособны к большим наступательным операциям и Финляндия, следовательно, может спокойно наблюдать за событиями. Из приведенных в книге финского генерала Эша сводок финской разведки весной 1944 г. прослеживается непосредственная связь между изображением в черных тонах положения Красной Армии на Нарвском фронте и неожиданным для финского руководства ее мощным наступлением на Карельском перешейке в июне 1944 г.⁶⁴

Когда Финляндия отвергла советские мирные предложения, Гитлер решил наказать ее за проявленную смелость вести переговоры о сепаратном мире без его ведома и разрешения. 19 апреля Гитлер запретил дальнейшее снабжение Финляндии оружием. Поводом послужило то обстоятельство, что финская пресса критиковала план немцев по эвакуации библиотеки Тартуского университета в Восточную Пруссию.⁶⁵ 9 июня 1944 г., когда началось успешное наступление советских войск на Карельском перешейке, Финляндия обратилась к Германии за помощью. Финляндия не получала почти ничего, пока президент Рюти письменно не заверил прибывшего в Хельсинки Риббентропа, что Финляндия не будет заключать сепаратного мира. Тогда из Эстонии на Карельский перешеек на помощь финским войскам были переброшены немецкая 122-я пехотная дивизия, около 150 самолетов и т. д.⁶⁶ Это было далеко не все, чего Маннергейм хотел. Да и уже в июле основная часть этих войск была направлена обратно в Эстонию, так как для Германии положение на этом участке фронта стало критическим.⁶⁷ Это

⁶² *Erfurth, W. Der finnische Krieg 1941—1944*, с. 108; *Operationsgebiet östliche Ostsee*, с. 26—27.

⁶³ *Linkomies, E. Vaikea aika*, с. 331; *Skytta, K. Ei muuta kunniaa*, с. 219.

⁶⁴ *Oesch, K. L. Finnlands Entscheidungskampf 1944*. Frauenfeld, 1964, с. 43, 49. Чтобы успокоить финнов, в начале апреля 1944 г. Кейтель попросил Маннергейма послать группу финских офицеров в инспекционную поездку на Нарвский фронт. Эта поездка состоялась (*Erfurth, W. Der finnische Krieg*, с. 173—174; *Haupt, W. Heeresgruppe Nord 1941—1945*. Bad Nauheim, 1966, с. 193).

⁶⁵ *Erfurth, W. Der finnische Krieg*, с. 176—178; *Polvinen, T. Suomi suurvaltojen politiikkassa*, с. 255—256; *Myllyniemi, S. Die Neuordnung der baltischen Länder*, с. 274; *Heinrichs, E. Kaksi käyntiä Saksan päämajassa jatkosodan vuosina*. — *Uusi Kuvalehti*, 1961, № 35, с. 13. Когда это стало известно Маннергейму, он потребовал и добился более жесткой линии в цензуре и персональных изменений в соответствующем ведомстве.

⁶⁶ *Erfurth, W. Der finnische Krieg*, с. 245—248; *Ziemke, E. The German Northern Theatre of Operation*, с. 204; *Operationsgebiet östliche Ostsee*, с. 33, 44—46; *Haupt, W. Heeresgruppe Nord 1941—1945*, с. 193. Финский 200-й полк, сформированный из эстонских беженцев, временно был подчинен германской дивизии. (*Operationsgebiet östliche Ostsee*, с. 50.)

⁶⁷ *Erfurth, W. Der finnische Krieg*, с. 252—256; *Operationsgebiet östliche Ostsee*, с. 57—58; *Ziemke, E. The German Northern Theatre of Operation*, с. 286.

усилило у правителей Финляндии стремление к мирным переговорам.

Летом и осенью 1944 г. особенно хорошо прослеживается связь между событиями в Прибалтике и Финляндии. В июне 1944 г. Гитлер сместил двух генералов — Линдемманна и Фриснера, командующих группой армии «Север» за предложение вывести немецкие войска из Прибалтики, по меньшей мере из ее северной части. Свое несогласие с этим планом Гитлер обосновал тем, что в таком случае утратилась бы связь с Финляндией, КБФ мог бы оперировать на Балтийском море и прекратилась бы транспортировка железной руды из Швеции в Германию.⁶⁸ Но фашисты не смогли сдержать мощного наступления советских войск. В конце июля они освободили Нарву, Псков, достигли Балтийского моря южнее Риги, отрезав тем самым наземную связь находившихся в Эстонии и в северной части Латвии германских войск с более южными соединениями. Несмотря на отчаянное положение группы армии «Север», в начале августа Гитлер направил ее нового командующего Шернера в Хельсинки, чтобы успокоить руководство Финляндии.⁶⁹ Столь важное значение придавал он сохранению Финляндии как союзницы! Однако поражение Германии в Прибалтике и вывод ее соединений с Карельского фронта подтолкнули высшее руководство Финляндии к заключению мира с СССР. 28 июля в самом узком кругу (участвовали президент Рюти, главнокомандующий Маннергейм и лидер правых социал-демократов Таннер) было решено в качестве подготовительной меры сделать Маннергейма президентом и таким образом сконцентрировать политическую и военную власть в одних руках. Это было осуществлено в начале августа. Но новый президент целый месяц медлил с выходом Финляндии из войны. Одной из причин была попытка немцев захватить в середине августа инициативу в Прибалтике — под Шяуляем, в окрестностях Риги, а также в южной части Эстонии у Сангасте.⁷⁰ 17 августа — на следующий день после начала этого контрнаступления — Гитлер направил в Хельсинки самого фельдмаршала Кейтеля. Ссылаясь на контрнаступление под Шяуляем, Кейтель обрисовал в розовых тонах положение германских войск на всех фронтах.⁷¹

Немецкое контрнаступление успеха не имело. В конце августа атакующей стороной была уже Красная Армия, которая 25 августа освободила Тарту. За два дня до этого, 23 августа, в Румынии была свергнута клика Антонеску, и она вышла из войны. Тогда и финское руководство решило, наконец, принять советские условия мира, выйти из войны и порвать с Германией. Военные действия прекратились 5 сентября.

Прежде чем гитлеровские войска были окончательно изгнаны из Эстонии, часть их оказалась в вооруженном конфликте с финскими войсками. Уже в марте 1944 г. гитлеровцы начали подготовку к операции «Танне» на случай выхода Финляндии из войны: немецкие ВМС должны были занять ряд островов в Финском заливе, в первую очередь Аланды (операция «Танне-Вест») и Гогланд (операция «Танне-Ост»), с целью помешать выходу КБФ из Финского залива. После разрыва отношений Финляндии с Германией Гитлер приказал отменить операцию «Танне-Вест», которая угрожала еще более испортить ставшие уже довольно плохими отношения со Швецией, но о. Гогланд (Суурсаари)

⁶⁸ *Тинпелскирх К.* История второй мировой войны. М., 1966, с. 449—450; *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966, с. 27—31, 41; *Kalvo, A.* Nemed vabastasiid Lõuna-Eesti. Tallinn, 1972, с. 10; *Haupt, W.* Heeresgruppe Nord, с. 232, 324.

⁶⁹ *Ziemke, E.* The German Northern Theatre of Operation, с. 287; *Erjuth, W.* Der finnische Krieg, с. 262.

⁷⁰ *Kalvo, A.* Nemed vabastasiid Lõuna-Eesti, с. 71—77.

⁷¹ *Tanner, V.* Suomen tie rauhaan. Helsinki, 1952, с. 358—359; *Ziemke, E.* The German Northern Theatre of Operation, с. 288—289; *Blücher, W.* v. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie, с. 394—395.

занять в ночь на 15 сентября. Финская разведка в Эстонии, которая к тому времени уже не всегда работала вместе с немецкой, узнала об этом. Гогландский гарнизон был предупрежден.⁷² Немецкие войска были встречены огнем. Вскоре подошли советские корабли. Совместными усилиями часть германских десантников была взята в плен, часть изгнана с острова. Так закончилось германо-финляндское «братство по оружию».⁷³

В ночь на 22 июля 1941 г. в Финском заливе германские и финские корабли начали первую совместную военную операцию против СССР. В ночь на 15 сентября 1944 г. в Финском заливе бывшие союзники направили оружие друг против друга.

⁷² Mäkelä, K. J. Im Rücken des Feindes, с. 193; Käkönen, U. A. Miehityksen varalta. Helsinki, 1971, с. 76, 135; Kumenius, O. Viiden rintaman vastavakoilija. Helsinki, 1969, с. 87—89, 105—112.

⁷³ История Великой Отечественной войны. М., 1962, т. 4, с. 459; Operationsgebiet östliche Ostsee, с. 143—182; Meister, J. Der Seekrieg in osteuropäischen Gewässern 1941—1945, с. 96—100; Suomen sota IX, с. 167—179; и т. д.

Представил К. Сийливаск

Таллинский политехнический
институт

Поступила в редакцию
29/V 1981

Herbert VAINU

BALTIMAAD SAKSA-SOOME SUHETES TEISE MAAILMASÕJA AJAL

Baltimaad, eriti Eesti, etendasid Saksa-Soome suhetes nende ühisagressioonis Nõukogude Liidu vastu Teise maailmasõja ajal märkimisväärset osa. Baltikumi kaudu kulgesid nende maade vahelised lähimad ühendusteed, seal valitseva okupatsioonirežiimi põhjal võisid soomlased aimata oma saatust «uues Euroopas».

Agressiooni ettevalmistamisel ja algeriioodil oli mõlema maa koostöö tihe. Sellesse olid lülitatud ka Soome põgenenud eesti natsionalistid. Saksa ja Soome luureagentidena paisati nad pärast agressiooni algust Eestisse (operatsioon «Erna»), kus nad kahjutuks tehti. Piiratud ulatuses võttis Soome sõjalaevastik fašistliku Saksamaa kõrval osa Baltimaade okupeerimisest — miinide panekust Soome lahte (see oli esimene sõjaline operatsioon, algas juba 21. juunil 1941), Lääne-Eesti saarte vallutamist. Okupeeritud Eesti NSV-s töötasid Saksamaa ja Soome luure- ja julgeolekuteenistused koos. 1941/1942. aasta vahetusel saadeti Eestist Soome vaguneid ja vedureid, alates 1943. aastast viidi Eesti kaudu Soome varem Leningradi oblastis elanud ingerlasi.

1941. aasta lõpul väljendasid mõned Soome kodanlikud ringkonnad rahulolematust Saksamaa okupatsioonirežiimiga Baltikumis, kuid sel polnud mingit mõju suhetele riiklikul tasandil. Soome teatas Saksamaale ametlikult, et ta ei taotle Eesti lülitamist Suur-Soome koosseisu, mida mõned ringkonnad soovitasid.

Teatud jahenemine Saksa-Soome suhetes, mis järgnes Saksamaa lüüasaamisele Stalingradi all 1943. aasta algul, avaldus ka Baltikumi küsimustes. Soome valitsevais ringkondades tekitas mõningat rahulolematust see, et Saksamaa lükkas tagasi Soome soovituset pehmenada okupatsioonirežiimi Baltikumis hankimaks sealt rohkem kahuriha idarinde jaoks. Mingil määral komplitseeris suhteid ka see, et osa SS-üksustesse mobiliseeritavaid eesti noormehi põgenes Soome, kust neid aga ei antud Saksa võimudele tagasi, vaid suunati Soome armeesse.

Saksa vägede taganemine Soome lahe lõunarannikul oli üks tegureid, mis ajendas Soome valitsevaid ringkondi Nõukogude Liiduga rahu otsima. 1944. aasta suvel, kui Punaarmee üksused olid Riia lähistel jõudnud juba Läänemereni, keelas Hitler Saksa vägedel Eestist taganeda, selle põhieesmärk oli hoida Soomet sõjas edasi. Soome väljus sõjast alles siis, kui Punaarmee oli tagasi lõõnud Saksa vägede vastupealetungikatsed Baltikumis ja vabastanud Tartu.

Tallinna Polütehniline
Instituut

Toimetusse saabunud
29. V 1981

DAS BALTIKUM IN DEUTSCH-FINNISCHEN BEZIEHUNGEN WÄHREND DES ZWEITEN WELTKRIEGES

Die baltischen Länder, besonders Estland, spielten während des zweiten Weltkrieges in den Beziehungen Hitler-Deutschlands und Finnlands in ihrer gemeinsamen Aggression gegen die Sowjetunion eine bemerkenswerte Rolle. Die kürzeste Verbindung zwischen diesen Staaten verlief durch das Baltikum. In Hinsicht auf die faschistische Okkupation im naheliegenden Baltikum konnten die Finnen ihr Schicksal im «neuen Europa» voraussehen.

Während der Vorbereitungs- und Anfangsperiode der Aggression war die Zusammenarbeit beider Staaten reibungslos. In diese Zusammenarbeit wurden auch nach Finnland geflohene estnische Nationalisten eingeschaltet. Als Agenten der deutschen und finnischen Aufklärungsämter wurden sie nach dem Anfang der Aggression gruppenweise zur See und Luft nach Estland geschickt (Operation «Erna»), wo sie unschädlich gemacht wurden. In beschränktem Maße nahm die finnische Kriegsmarine neben dem faschistischen Deutschland an der Besetzung des Baltikums teil — am Anlegen von Minen im Finnischen Meerbusen (das war die erste Kriegsoperation während der Aggression, begann schon am 21. Juni 1941), an der Okkupation der Moonsund-(west-estnischen) Inseln. In der okkupierten Estnischen SSR arbeiteten die deutschen und finnischen Aufklärungs- und Sicherheitsdienste zusammen. Im Jahreswechsel 1941/1942 wurden aus Estland nach Finnland Eisenbahnwaggonen und Loks befördert, ab 1943 via Estland Ingermanländer aus dem Leningrader Gebiet nach Finnland geschickt.

Ende 1941 wurde in einigen finnischen bürgerlichen Kreisen Unzufriedenheit mit dem Okkupationsregime im Baltikum ausgesprochen. Das hatte jedoch keinen Einfluß auf die Beziehungen auf staatlicher Ebene. Finnland teilte Deutschland offiziell mit, daß es keinen Anspruch erhebt auf die Angliederung Estlands an Großfinnland, was von einigen Kreisen in Finnland vorgeschlagen wurde.

Einige Abkühlung der deutsch-finnischen Beziehungen offenbarte sich nach der Niederlage Deutschlands bei Stalingrad Anfang 1943 auch in baltischen Fragen. In regierenden Kreisen Finnlands rief die Ablehnung des Vorschlages Finnlands durch Deutschland, das Okkupationsregime im Baltikum zu mildern, um mehr Kanonenfutter davon für die Ostfront zu bekommen, bestimmte Unzufriedenheit hervor. Deutsch-finnische Beziehungen wurden einigermaßen auch dadurch kompliziert, daß ein Teil der von den SS-Einheiten mobilisierten estnischen jungen Männer nach Finnland floh. Sie wurden aber nicht den deutschen Behörden ausgeliefert, sondern in das finnische Heer eingewiesen.

Das Zurückweichen der deutschen Streitkräfte an der Südküste des Finnischen Meerbusens war einer der Faktoren, der die regierenden Kreise Finnlands veranlaßte, mit der Sowjetunion Frieden zu suchen. Im Sommer 1944, als die Einheiten der Roten Armee schon bei Riga die Ostseeküste erreicht hatten, verbot Hitler den deutschen Truppen, sich aus Estland zurückzuziehen, um Finnland weiter im Krieg zu halten. Finnland trat aus dem Krieg erst dann heraus, als die Gegenangriffsversuche der deutschen Truppen im Baltikum von der Roten Armee zurückgeschlagen wurden und Tartu befreit war.

Tallinner Polytechnisches Institut

Eingegangen
am 29. Mai 1981